

Елена Вольская

Три эффекта бабочки

18+

Елена Вольская

Три эффекта бабочки

«Автор»

2018

Вольская Е.

Три эффекта бабочки / Е. Вольская — «Автор», 2018

В романе «Три эффекта бабочки» представлены три варианта развития событий в жизни главной героини Ольги Николаевны Скворцовой.

© Вольская Е., 2018

© Автор, 2018

Говорят, что мы предчувствуем приближающиеся перемены в жизни. Кто-то ощущает это кожей, кто-то сердцем, кто-то душой. Робкие, едва уловимые сигналы судьбы поступают к нам с разных сторон. Эти тревожные предупреждающие вестники не осознаются нами вполне до тех пор, пока не происходит знаковое событие, которое переворачивает нашу жизнь с ног на голову. И тогда... И тогда мы бросаемся в водоворот событий, не задумываясь о последствиях своих действий в надежде на то, что впереди нас ждет только счастье. Такое желанное и такое восхитительное. Но то, что нам кажется таким удивительным и прекрасным сегодня, завтра может обернуться совсем другой стороной: темной, страшной, несущей печаль, горькое разочарование, а порой и невозполнимые потери. И только спустя время, оглянувшись назад мы с горечью понимаем, что упустили то мгновение, когда еще можно было остановиться и не сделать рокового шага. Того одного-единственного, трудно распознаваемого шага, который изменил нашу судьбу и привел к краю пропасти.

В романе «Три эффекта бабочки» представлены три варианта развития событий жизни главной героини Ольги Николаевны Скворцовой.

«Чужие драмы всегда невыносимо банальны»

Оскар Уайльд

ЧАСТЬ 1

1.

Во дворе громко залаяла Джерри. От этого злобного лая Оля проснулась и открыла глаза. За окном едва пробивался рассвет. Еще, наверное, часа четыре, а может пять. Подниматься в такую несусветную рань совсем не хотелось. Скворцова что-то недовольно пробурчала в адрес несносной собаки, повернулась на правый бок и сомкнула веки.

Сегодня ей предстоит нелегкий день. Нужно заставить себя поспать еще пару часов, потому что только после восьми или девяти часов полноценного сна она чувствует себя энергичной, живой и готовой свернуть горы. Этим вечером она ни в коем случае не должна выглядеть уставшей, помятой и несчастной. В последнее время у нее уже вошло в привычку не показывать другим, что она чувствует и думает на самом деле. Все привыкли видеть ее счастливой, жизнерадостной и довольной всем и всеми. Именно такой она и была еще совсем недавно. Теперь же эта ежедневная игра в счастье истощала и, честно говоря, уже порядком поднадоела. Вот и сегодня придется играть роль примерной и верной жены, хорошей матери и отличной хозяйки большого дома. А еще, что немаловажно, уважающей и любящей свою свекровь невестки. Да, и это была самая тяжелая роль – роль невестки, которая неукоснительно следует советам и наставлениям своей умудренной богатым жизненным опытом свекрови, чье слово есть истина в последней инстанции.

Оля глубоко вздохнула и поняла, что уснуть уже не удастся. Она легла на спину и широко распахнув глаза, уставилась в потолок.

Большая спальня, обставленная изысканным, но без помпезности белым итальянским гарнитуром, постепенно заполнялась светом нового дня. Весна в этом году была ранней, необыкновенно теплой и солнечной. И это утро на излете весны обещало чудный день, который, казалось, должен был наполниться такими же прекрасными событиями. Конечно, радовало то, что из заграничной командировки возвращается Валерка. Приезд мужа из Лондона всегда означал подарки ей и детям. Подробные отчеты Скворцова о том, что нового и интересного он увидел в этом прекрасном городе, никогда не утомляли ее. И, естественно, очередной подписанный мужем контракт с партнерами его холдинга, укреплял их и без того отличное материальное положение.

Но почему сейчас она не испытывает радости от скорой встречи с мужем? Почему так сильно щемит сердце? Возможно все дело и не в нем, а в ненавистной свекрови? Все близкие и знакомые, да и она сама, называли старуху Ларочкой. Даже муж называл свою мать так. Не мама, не мамуля, а именно Ларочка, словно этой молодящейся карге не пятьдесят девять, а двадцать девять. Да, именно сегодня Ларисе Игнатьевне исполняется пятьдесят девять лет. Несносная и разбалованная свекровь решила заткатить шикарный банкет в ресторане, который, естественно, оплатил Валерка. Ну исполнялось бы старухе шестьдесят! Тогда можно было бы понять ее притязания на праздничный ужин в дорогом ресторане и шикарные подарки, которые свекровь просто обожает. Но пятьдесят девять – это не та дата, которую следует отмечать с помпой.

Из Питера непременно примчится Петруша Усольский. Многолетний воздыхатель Ларочки не пропускал ни одного ее дня рождения. Тьфу, аж противно называть солидного дядьку Петрушей. Это имя больше подошло бы марионетке из кукольного театра, а не богатому мужику, сделавшему состояние на сети ювелирных магазинов. А ведь ни для кого не секрет, что Ларочка и Петруша любовниками стали еще в их далекой юности и пережили все браки друг друга. У Ларочки их было два, а у Петруши аж целых три. И что интересно, все жены ювелира после развода с ним выходили замуж за иностранцев и благополучно съезжали из страны. Первая свалила в Америку, вторая в Англию, а третья, самая молодая из всех – в Германию. Только вот Ларочка засиделась на одном месте и к великому сожалению уезжать никуда не собиралась. А как же хочется, чтобы старуха каким-нибудь чудесным образом испарилась, навсегда исчезла из поля зрения и тем самым прекратила бы вмешиваться в их с Валеркой жизнь.

Оля почувствовала, как при мыслях о свекрови и ее любовнике раздражение и гнев начинают скапливаться в горле, постепенно превращаясь в горячий плотный комок. Оля попыталась проглотить его, но комок ненависти к матери мужа прочно застрял в горле и мешал дышать. Скворцова подхватила с кровати. Она набросила на красивые плечи тонкий шифоновый пеньюар и выскочила в коридор. Оля сбежала по лестнице на первый этаж и распахнув дверь кухни, бросилась к мойке, затем выхватила из навесного шкафчика хрустальный стакан и подставила его под тонкую, как острое лезвие, струю воды. Сделав пару больших глотков, она почувствовала, как комок провалился в желудок и облегченно выдохнула. Скворцова поставила стакан в мраморную раковину, шагнула к обеденному столу и обессиленно плюхнулась на плетеный стул. Затем опустила голову на сцепленные в замок руки и замерла.

Сколько она так просидела Оля не знала. Сейчас ей казалось, что жизнь остановилось. В доме было очень тихо, не слышно было и лая собаки. Спустя какое-то время Оля вспомнила, что накануне вечером составила список дел, намеченных ею на сегодня. И следовать строгому распорядку дня придется, хочет она того или нет. Хотя сейчас она с большим удовольствием послала бы все к чертовой матери, села бы в машину и махнула куда-нибудь на природу, остановилась где-нибудь на обочине, вышла в поле и рухнула на свежую душистую траву. А потом раскинула бы руки в стороны и уставилась в высокое звенящее голубое небо. Она лежала бы долго и смотрела на медленно плывущие облака: легкие, пушистые и такие причудливые, напоминающие нереальных существ в нереальном мире... И в этом фантастическом мире нет места для разочарований, страхов и обид. А есть только умиротворение и безмерный покой.

Оля подняла голову и провела ладонями по лицу, стирая из сознания причудливую картинку, подброшенную разыгравшимся воображением. Она встряхнула светлым длинным волосам и вслух произнесла:

– Однако, хватит раскисать. Пора браться за дела.

2.

Ровно в девять утра раздался звонок в дверь. Сковорова придвинула тарелку с остывающей овсяной кашей поближе к сыну и неохотно поднялась со стула. Из-за работы пылесоса на втором этаже домработница Светка явно не услышит звонка. Повариха шляется неизвестно где и посему открывать дверь, явившейся наконец няньке сына, придется самой.

– Мама, это Катя пришла?

– Да, сынок, она.

– А я поеду с тобой папу встречать? – беззаботно поинтересовался малыш.

– Пока не знаю, милый, – с нежностью в голосе ответила Оля. – Если быстро управлюсь с делами, то обязательно прихвачу тебя с собой.

Оля поцеловала сына в макушку, ласково потрепала его светлые кудряшки и торопливо направилась в просторный холл.

Отперев входную дверь, вместо приветствия Оля раздраженно сказала:

– Я же по-человечески просила тебя прийти сегодня на час раньше!

– Простите, Ольга Николаевна, я опоздала, потому что...

– Мне не нужны твои нелепые оправдания, – жестко прервала девушку Сковорова и напомнила: – Это уже не в первый раз. Еще раз опоздаешь, то вылетишь отсюда как пробка. И никакие уговоры моего мужа больше тебе не помогут. Поняла?

– Да, – смущенно ответила Катя, опустив голову. Разъяренная хозяйка метала гром и молнии, от которых можно было загореться.

Катя попыталась спрятать невольную улыбку и переступила порог особняка. На самом деле в эту минуту девушка в глубине души проклинала и застрявшую в пробке маршрутку, и эту работу, и саму хозяйку-мегеру, и даже ту щедрую зарплату, которую ей платили в доме Сковоровых. Хотя... Где еще найдешь такую синекуру? Работа сама по себе не пыльная, платят хорошо, да и люди у Сковоровых работают нормальные. Опять же маленький Денис ее любит и проблем с ним нет. Хозяйка, конечно, отпетая стерва, а вот хозяин мужик что надо. Мужа бы такого. Да где его взять-то? Богатенькие красавцы просто так на дороге не валяются. И надо родиться с изрядной долей везения и счастья, чтобы отхватить в мужья такого мужчину как Валерий Иванович.

Быстро отбросив бесплотные мечтания, Катя сменила короткие сапожки на комнатные тапочки и сбросила куртку.

– Привет, дружок! – приветливо поздоровалась девушка, устремляясь к мальчику, который нетерпеливо ерзал на стуле и счастливо ей улыбался.

– Денис уже заканчивает завтрак, – с ноткой ревности пояснила Оля. – В десять придет англичанка. В три часа, если буду успевать, заеду за Денисом, чтобы быть в аэропорту вовремя. Сегодня прилетает Валерий Иванович и мое утро расписано буквально по минутам. А в восемь вечера мы уже должны быть в ресторане.

– Я помню, – промямлила Катя и осмелилась взглянуть на хозяйку.

Ольга Николаевна была уже полностью готова к выходу и не скрывала своего раздражения. Когда Сковорова была не в духе или плохо себя чувствовала, от нее желательно было держаться подальше. Свое скверное настроение хозяйка вымещала на всех, кто попадался под руку. И всякий раз делала она это в отсутствии хозяина. Когда же тот находился в доме, мегера словно бы и не замечала людей, которые по мнению Кати, пахали на хозяйку, как рабы на галерах. Более того обслуга молча сносила все выговоры и оскорбления Ольги Николаевны, боясь вызвать ее гнев.

При приеме на работу Сковорова предложил Кате постоянное проживание в доме, но она ответила отказом. Девушка не хотела причислять себя к обслуге и предпочитала ежедневно вставать в пять утра и добираться до работы первой маршруткой. А проработав в доме около месяца, Катя окончательно утвердилась в правильности своего выбора. Она просто физически не смогла бы сутками напролет выносить придирки и издевательства избалованной дамочки.

– Яковлевна наводит порядок на втором этаже, – между тем строго продолжала Оля. – Если к моему возвращению она не будет успевать сделать уборку на первом, поможешь ей. Я не хочу, чтобы вы мелькали у Валерия Ивановича перед глазами со своими тряпками и швабрами, когда мы приедем.

– Хорошо, Ольга Николаевна, – покорно согласилась девушка и подхватила Дениса на руки.

– Катя, Катя, а я уже съел всю кашу. Вот какой я молодец! А Юлька сегодня проспала и опоздала в гимназию. Ты не представляешь, как мама ее ругала.

– Чего ж не представляю, очень даже хорошо представляю, – горько усмехнулась Катя. – А хочешь, дружок, я тебе какао сделаю?

– Хочу.

А Оля уже не слышала болтовни сына и его няни. Она вышла на крыльцо и закурила первую сигарету за утро. Спустившись по ступенькам высокого крыльца, женщина быстрым шагом направилась к гаражу.

Скворцова никогда не позволяла себе появляться на людях без косметики или неряшливо одетой. К этому ее приучила мать, считавшая, что женщина не имеет права распускаться ни при каких обстоятельствах и всегда должна выглядеть на все сто процентов. И даже выходя в магазин, нельзя забывать о косметике и своем внешнем виде. Ведь никогда не знаешь, кого встретишь на улице и что с тобой может приключиться. Вот и сегодня, несмотря на ранний подъем, Оля тщательно нарядилась и долго не могла выбрать платье, подходящее моменту. Все-таки приезжает Валерка и хочется быть на высоте. Но придется много ездить и суетиться, поэтому выбор Оли пал на легкий персиковый брючный костюм, который не мялся и выглядел очень стильно. Дорогие итальянские босоножки на низком ходу не дадут ногам устать, а сумка в тон костюму придаст туалету завершенности.

Овчарка Джерри наблюдала за хозяйкой, повиливая хвостом в ожидании лакомства. Но Ольге Николаевне Скворцовой сейчас не было дела до своей любимицы. В эту минуту ее волновал только предстоящий день и вечер, на котором она должна затмить всех своим блеском и красотой.

Первым в списке ее дел на сегодня стоял массажный салон. Затем парикмахерская и бутик с модной обувью. Потом цветы для свекрови, коротенький перекус где-нибудь недалеко от магазинчика Верещагиной и аэропорт. Нет, сначала надо перекусить, а уж потом к Нельке за цветами. Не тащить же в самом деле корзину с цветами с собой в кафе! Не дай бог сломается хоть один цветок, Валерка будет нудно бухтеть и окончательно испортит настроение, и без того испоганенное опозданием нерасторопной няньки.

Скворцова мельком взглянула на часы. По всей видимости за Денисом заехать не получится как ни старайся, и она напрасно дала обещание сыну взять его с собой в аэропорт. Если бы эта безмозглая Катька приехала в восемь, тогда... Да ладно! Что толку сейчас думать об этом. Главное все успеть!

Оля бросила сигарету на землю, достала из сумки пульт дистанционного управления и нажала на кнопку. Какое-то время она с раздражением наблюдала, как со скрежетом поднимается дверь гаража. Сколько раз просила мужа убрать этот мерзкий лязг, действующий на нервы. Так нет! Все ему некогда, все у него дел по горло. В конце концов это даже дело не мужа, а охранника Карпенко. Но заставить бывшего военного поднять задницу от стула по силам только мужу. Самой что ли позвонить мастеру?

Оля приблизилась к своему «Рено» и чтобы не задеть чистенький и ухоженный джип мужа, осторожно открыла дверцу, бросила сумку на заднее сидение, села за руль и вывела машину из гаража.

К радости Сковрцовой все шло по намеченному ею плану без задержек и проволочек. Алекс сделал ей отличный массаж. Под его сильными руками Оля всегда расслаблялась и получала удовольствие от процедуры. Прическа тоже понравилась. Нинка Миркина расстаралась как всегда, и так, между прочим, доложила, что Ларочка записалась к ней на вторую половину дня. Оля нисколько не удивилась этой новости, потому что сама же и привела свекровь в этот салон и познакомила с Ниной. С тех пор Ларочка и лучший стилист салона стали закадычными подругами. Вполне вероятно, что парикмахерша тоже будет в ресторане. Оля подозревала, что свекровь частенько обсуждает с Миркиной семейную жизнь сына, но доказательств тому не было. Нинка всегда была с учтива, мила и предупредительна. И конечно, держала язык за зубами, потому что клиентку, которая платит сумасшедшие деньжищи за простую укладку еще надо было поискать. Да и свекровь не скупилась, оставляя щедрые чаевые.

Удалось даже быстро перекусить. Официантка в кафе оказалась девушкой шустрой и счета за еду ждать практически не пришлось.

Градус настроения уверенно поднимался и это тоже радовало. Когда Ольга входила в цветочный магазин Верещагиной на ее лице сияла счастливая улыбка.

Нелли Павловна Верещагина, бывшая одноклассница и закадычная подруга Сковрцовой, владела сетью цветочных магазинов и павильонов уже около пяти лет. Разбогатела она как-то неожиданно, вдруг. Нелька не скрывала, что денег на раскрутку ей дал бывший муж-итальянец, который когда-то вытащил ее из миланского борделя. По-простому, сей благородный господин преклонных лет по доброте душевной выкупил несостоявшуюся модельку у сутенера. Сколько синьор Виванти отвалил денег наглому хозяину модельного агентства «Весна» и по совместительству сутенеру, история умалчивает. Однако сердобольный итальянец не только выкупил Верещагину, но и официально женился на ней. Пепе нисколько не смущала разница в возрасте, хотя Верещагина была ровесницей его младшей дочери. Сама же Нелька плевала на неравный брак и была счастлива уже тем, что вырвалась на свободу. Хотя эта свобода оказалась не совсем свободой. Пепе беззастенчиво контролировал каждый шаг юной жены. Может не доверял ей, а может просто боялся, что Нелька влезет еще в какое-нибудь дерьмо. Он заставил Верещагину получить образование и в общем-то держал ее в ежовых рукавицах. Однако на деньги синьор Виванти не скупился и заваливал молодую жену подарками. Не сказать, чтобы очень дорогими, но вполне приличными.

А еще у синьора Виванти была мечта. Он хотел от красивой русской жены ребенка. В первом браке у Пепе родилось три дочери, но итальянец грезил о сыне. Он почему-то был уверен, что именно Неля подарит ему наследника. Верещагина же делала все, чтобы не забеременеть и тем самым не осчастливить своего наивного мужа сыном. Контрацептивы от Пепе она тщательно припрятывала. На его подозрения и упреки касательно все не наступающей беременности, только опускала глазки в пол и отвечала, что всему свое время.

Хотя к своей собственной мечте целеустремленная Верещагина когда-то перла как танк, сметая все на своем пути. Правда ее мечта, по мнению Оли, не отличалась оригинальностью. Нелька, как и многие их сверстницы, насмотревшиеся глянцевого журналов, желала стать моделью. И не просто моделью, а супермоделью. Но ни истеричные уговоры матери, ни ругань отца, ни советы знающих людей, не смогли остановить Верещагину. С восьмого класса гимназии Неля как оголтелая начала бегать по кастингам в надежде найти работу в каком-нибудь модельном агентстве. Конечно, довольно высокий рост и худощавая фигура позволяли Верещагиной надеяться на то, что кто-то обратит на нее внимание. Но на предвзятый взгляд Сковрцовой, лицо у подруги было так себе. Однако Оля вынуждена была соглашаться с одноклассницами в том, что выпирающие скулы, огромные зеленовато-карие глаза, да длинные прямые темные волосы несомненно украшают Нельку. А выразительное лицо иметь модели вовсе не обязательно. Дорогая косметика, наложенная умелым гримером, да фотошоп из любой простушки без особого труда сделает писаную красавицу.

И чудо свершилось! Какой-то хмырь все же пристроил Верещагину сначала в школу моделей, потом в модельное агентство «Весна». Этот таинственный поклонник настойчиво продвигал неопытную девчонку по пути к желанному подиуму, а затем организовал и работу в Милане. Но история умалчивает о том, что это был за человек и чем за его услуги платила Верещагина. Оля подозревала, что подруга хорошо раздвигала ноги и именно в постели отрабатывала затраты неизвестного благотворителя. Однако факт остается фактом: сразу после выпускного бала Верещагина и еще несколько девушек из агентства укатали в Италию.

Скворцова хорошо помнила, как счастлива была тогда ее подруга и как без конца трепалась о том, что станет мировой знаменитостью типа Синди Кроуфорд. Но увы... Вместо подиума амбициозная Верещагина оказалась в борделе. Правда, в дорогом. Но без паспорта, денег и надежд поблистать на показах в шикарных туалетах от французских и итальянских кутюрье. Так круто попали еще десять наивных дурочек, соблазненных каким-то подонком, имя которого Верещагина никогда не называла. То ли не хотела, то ли боялась.

– Ну, Олечка, ты как всегда на высоте! Хороша, свежа и восхитительна. А у костюмчика цвет просто отпад! И так идет тебе, – вместо приветствия искренне сделала комплимент Верещагина, вальяжно ступая навстречу приятельнице. Ее слегка располневшая фигура была туго затянута в строгое серое платье из плотного дайвинга, совершенно не подходящего pore года. Чувствовалось, что Неле стоило большого труда застегнуть длинную молнию вдоль линии спины. Но в том, что дивные формы подруги притянули сегодня к себе ни один мужской взгляд, Скворцова не сомневалась. Надо отдать Нельке должное, она как всегда выглядела потрясающе.

– И тебе привет, дорогая, – поздоровалась Оля и обняла подругу.

– Твой заказ готов. Мои флористы хорошо поработали. Корзинка получилась обалденная. Идем в мой кабинет. Она там.

Женщины миновали небольшой торговый зал, плотно заставленный высокими вазами с цветами. Покупателей в магазине не было, только несколько девушек, негромко переговариваясь между собой, собирали букеты на заказ.

Подруги вошли в просторный кабинет хозяйки магазина. Великолепная корзина с розами стояла на лакированном столике у большого окна. Цветы были собраны так, что напоминали огромный алый шар. В распахнутые жалюзи щедро лился солнечный свет, играя разноцветными переливами в капельках воды, осевших после поливки на нежных лепестках роз.

– Их здесь пятьдесят девять? – уточнила Оля и недоуменно взглянула на подругу. – Почему букет стоит на солнце? Он же быстро завянет.

– Не волнуйся. Я поставила корзину на стол прямо перед твоим приходом. Я хотела, чтобы ты лучше ее рассмотрела. И да, их пятьдесят девять, как ты и просила. Это «Барселона». Розы свежие. Доставили ранним утром. Будут долго стоять.

Оля нагнулась над корзиной и всей грудью вдохнула аромат, который источали великолепные, уже почти полностью раскрывшиеся бутоны. Спустя мгновение Скворцова выровнялась и недовольно скривила губы:

– У них очень сильный запах. Ларочке может не понравиться. Будет потом всем жаловаться, что у нее голова разболелась от моего подарка.

– Тогда пусть не нюхает, – рассмеялась Верещагина и переставила букет в тень. Потом сделала серьезное лицо и добавила: – Ты ей просто так, ненароком, скажи, что это дизайнерский букет. А потом намекни, что тебе эти цветы стоили больших денег, она и заткнется. Как на мой взгляд, так корзина получилась шикарной.

– На мой тоже, – согласилась Оля и посмотрела на часы. – Слушай, Верещагина, у меня в запасе есть еще пара минут. Сделай кофейку, пожалуйста.

– Один момент, подруга. Я сейчас Веронику попрошу. Она кофе вкусно варит. А ты посиди тут пока, – быстро проговорила Неля и торопливо покинула кабинет.

Оля осмотрелась, прикидывая где бы ей примоститься и направилась к мягкому дивану, стоящему напротив окна. Она с удовольствием села, закинула ногу на ногу и порывшись в сумочке, достала сигареты. Сковороца закурила и подумала о том, что Ларочка все же останется довольна. Цветы классные, а основной подарок Валерка привезет с собой. Свекровь уже давно мечтала иметь настоящий английский чайный сервиз. И как всегда, примерный сын отыскал именно тот, о котором мечтала мать. Зажравшаяся старуха хотела, чтобы сервиз был респектабельным и солидным, и непременно из костяного фарфора. И конечно же под маркой «Розы Старой Англии». Как только муж приобрел сервиз, он по скайпу сразу же похвалился покупкой. Оля одобрила приобретение мужа, но ее так и подмывало спросить сколько же стоит этот обалденный набор. Но разговор с мужем был кратким, поэтому свой вопрос она задать не успела. Так что будет Ларочке и сервиз, и розы, и Петруша, и любовь сына, и обожание друзей.

Оля поискала глазами пепельницу и медленно поднялась. В этот момент дверь отворилась и в кабинет вошла Верещагина с подносом в руках.

– Давай, Оля, присаживайся, – пригласила Неля. Небрежно сдвинув бумаги на край стола, она расставила на столе кофейные чашечки. Опустившись в кресло, Верещагина поинтересовалась: – Что наденешь вечером?

– Маленькое черное платье. Ну и новые туфли. Купила сегодня в «Милой моднице», – ответила Сковороца и устроилась напротив Нели.

– Покажешь?

– Да, когда буду уходить. Туфли в машине.

Оля взяла миниатюрную чашечку с кофе, сделала небольшой глоток и удовлетворенно зажмурила глаза. Кофе был отменным, именно таким какой она любила.

– Вижу кофе тебе понравился, – удовлетворенно улыбнулась Неля. – Пепе привез из Италии.

Какое-то время женщины молчали, неторопливо потягивая густой ароматный напиток.

– Гостей много соберется? – первой нарушила молчание Верещагина, с видимым удовольствием закуривая тонкий «Voque».

– Не знаю. Мне не доложили. Да и какая мне разница...

Оля допила кофе и безразлично добавила:

– Мне плевать на то, кто явится на банкет. Но думаю будут все те же Калинины, Вознесенские и Федоровы. Естественно Миркина. Возможно и ее подруга Танька со своим доходягой.

– Танька, Танька... Это не та ли толстуха, которая жрет все подряд?

Оля согласно кивнула.

– Она самая. Только толстой она себя не считает. Говорит, что у нее кость широкая.

– Ну-ну... – хмыкнула Верещагина. – Только фигура ее мне напоминает подтаявший холодец. Как она носит такой вес?

– Ты, Нелька, за собой следи. А то тебя тоже распирает, – подковырнула Сковороца подругу. – Не ровен час станешь второй Татьяной Ивановной. Будете потом диетами делиться.

– Тьфу-тьфу! – поплевала Верещагина и сменила неприятную для нее тему. – А Усольцев будет?

– А как же без него? Уверена, что он уже приехал и обхаживает старуху, как только может.

– Как же Петруша на моего Пепе похож! Если бы не твоя свекровь, я с большим удовольствием закрутила бы с ним романчик. Он мужчина симпатичный, импозантный, весьма обходительный, да еще и при бабках.

Неля мечтательно закатила глаза. Затем вынырнула из своих грез и, слегка замявшись, совсем некстати поинтересовалась:

– Оля, а что ты будешь делать дальше?

– Что ты имеешь в виду? – мгновенно насторожилась Скворцова.

– Ну... – Верещагина нагнулась через стол вперед к Оле. – Ну... с этой...

Скворцова вздрогнула. Блеск в ее глазах моментально потух, а лицо как-то посерело. Даже умело наложенный румянец не смог этого скрыть. С минуту Оля задумчиво смотрела куда-то поверх головы Верещагиной, а потом глухо сказала:

– Не продолжай. Я поняла.

– Ну ты же должна что-то предпринять, – попыталась настоять на своем Верещагина. – Ты же не собираешься оставить все как есть?

Оля опустила взгляд на подругу и на удивление Нели почти безразлично ответила:

– Пока ничего я делать с этим не буду. Мне пока не до этого. Всею свое время.

– Ясно... – не поверила Верещагина. – А когда придет время, ты ведь не наделаешь глупостей? Правда?

– Я же тебе сказала, что мне не до этого, – зло повторила Оля и почувствовала, как от прекрасного настроения не осталось и следа, а утренний комок вновь намертво застрял в горле. Скворцова закашлялась и просипела: – Воды...

Нелька подхватила с места, плеснула воды из фигурного графина в стакан и протянула его Скворцовой. Та сделала несколько больших глотков. Восстановив дыхание, Оля встала. Какое-то время она рассеянно крутила стакан в руках и смотрела на подругу. У Верещагиной создалось впечатление, что Скворцова хочет ей что-то сказать. Но Оля осторожно поставила стакан на стол, неожиданно резко развернулась и, подхватив свою сумку и корзину с цветами, не прощаясь выбежала прочь. Верещагина недоуменно смотрела Оле вслед. Она не ожидала такого странного поворота, в такой, как ей казалось, приятной встрече. Но с другой стороны, чисто по-женски Скворцову можно понять.

Неля покачала головой и принялась сортировать бумаги, выискивая новые накладные, которые требовали ее подписи.

«Как была Нелька душой, так душой и осталась. Это же надо было так некстати заговорить о том, что ее вообще не касается. И это в ее стиле – испортить настроение в самый неподходящий момент», – чуть слышно проговорила Скворцова, проходя через торговый зал. Она со всей силы рванула дверь магазина. Дверной колокольчик звонко и недовольно заверещал, а девушки-продавщицы удивленно переглянулись. Такой сердитой подругу хозяйки они еще не видели.

Оля подбежала к машине, пристроила цветы и сумку на заднем сидении и уселась за руль. Она вставила ключ в зажигание и посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Нездоровая бледность сменилась ярким полыхающим румянцем, который сжигал лицо. Большие голубые глаза были полны страха, отчаяния и злости. Скворцова почувствовала, как пальцы рук мелко и противно подрагивают и поняла, что в таком состоянии ехать в аэропорт не сможет. Какое-то время она пыталась овладеть собой, но безуспешно. Мысли, одна страшнее другой, всплывали в мозгу, парализовали волю хоть к какому-нибудь действию. Неожиданно Оля вспомнила об обещании Денису взять его с собой в аэропорт. Но ехать за город сил просто не было.

Скворцова сжала руль и постаралась дышать глубоко и ровно. Нет, она не согнется под давлением обстоятельств. И к тому что ей суждено пройти, она тщательно подготовится. Шаг за шагом она будет двигаться к своей цели. Она избавится от безнадежного отчаяния и страха, чего бы ей это ни стоило. И пока у нее есть надежда на месть и уверенность в том, что она способна вернуть назад свою прежнюю счастливую и безмятежную жизнь, ничто и никто не посмеет встать на ее пути.

Оля еще раз взглянула на себя в зеркало. Краска уже отлила от лица, и оно стало почти белым. Скворцова потянулась рукой к бардачку и выудила запасную косметичку. Порывшись в ее недрах, она нашла румяна и круглую кисточку с волосом белки. Затем умелой рукой нанесла

румяна на скулы. Рука уже не дрожала. И это хороший знак. Это означает, что она постепенно приходит в себя.

Оля осталась довольна своей работой. Но еще необходимо подкрасить губы. Любимый тон помады тоже придаст лицу красок. Оля аккуратно, чтобы не выйти за контур губ, подвела их и удовлетворенно хмыкнула. Вот теперь она готова отправиться в путь. Сейчас необходимо аккуратно отъехать от бордюра. Хорошо, что только ее машина стоит у магазина Верещагиной и никаких помех нет. Конечно ехать в аэропорт в таком состоянии стремно, да и лишние проблемы сейчас ни к чему. Но ехать надо.

Скворцова вновь начала глубоко и ровно дышать, мысленно отсчитывая каждый вдох и выдох. Просчитав от десяти до нуля, она почувствовала себя увереннее. Спустя несколько минут Скворцова отъехала от бордюра и осторожно повела машину к Центральному проспекту.

4.

Двигаясь по шоссе в аэропорт, Оля думала о том, что ее настроение в течение дня меняется просто молниеносно. Взять себя в руки с каждым разом становится все сложнее и, если так пойдет и дальше, то придется обращаться к специалисту. Ни в коем случае нельзя допустить того, чтобы ее мысли и переживания оставляли на лице заметный другим след. Даже самый идеальный макияж не сможет скрыть ее озабоченности и опасений, а еще какой-то первобытной тревоги, в которой она пребывает вот уже почти месяц. Но сегодня безмозглая Нелька могла бы и промолчать и, наверное, будь ее воля, принялась бы обсасывать сложившуюся ситуацию со всех сторон, получая от этого неимоверное удовольствие. Но обсуждать с Верещагиной предполагаемую измену мужа не хотелось. Достаточно того, что именно Верещагина с мнимой озабоченностью сдала ей Валерку с потрохами.

В тот злополучный день подружки встретились в центре, чтобы вместе пообедать. Их выбор пал на маленькое уютное кафе на Первомайской недалеко от Макдональдса. Им повезло. Один-единственный свободный столик словно ждал их, и симпатичный официант бодро пригласил их пройти в зал, а подав меню, куда-то быстро ретировался. Они неторопливо определились и с салатом, и с горячим. Но никак не могли решить стоит ли заказывать спиртное. Нелька настаивала на легком вине или пиве, но Оля наотрез отказалась и от того и от другого. Лишиться прав сегодня, означало ненужный геморрой с их восстановлением завтра. Верещагина смирилась с неизбежностью и решила все же заказать себе вина и оставила Олю в покое. Какое-то время их разговор за столом не содержал ничего интересного, но Скворцова чувствовала, что за безразличной болтовней подружки кроется какое-то напряжение. Сегодня даже трудно сказать, что это было: предчувствие, инстинкт или что-то еще, но Оля почему-то знала, что этот ничем не примечательный обед с подружкой изменит ее жизнь. И чем веселее хотела казаться Нелька, тем больше настораживалась Скворцова и прервав подружку на полуслове, Оля задала прямо в лоб мучающий ее вопрос:

– Ты хочешь мне что-то сказать, Неля?

От удивления Верещагина расширила глаза и фальшиво засмеялась:

– С чего ты взяла, подружка?

– Да ведешь ты себя как-то странно сегодня. Скажем так, неестественно. Я же хорошо тебя знаю. Давай, выкладывай.

– Тебе Валерка изменяет, – без всяких предисловий выпалила Неля и, подхватив свой бокал с вином, одним глотком осушила его. При этом исподлобья Верещагина внимательно наблюдала за реакцией подружки.

– Неужели? – небрежно спросила Оля.

Эта небрежность далась ей с огромным трудом. В это мгновение Скворцова чувствовала, как краска гнева и отчаяния заливает ее лицо. А еще ей показалось, что кто-то стоит за ее спи-

ной и наносит сокрушительные удары по вискам чем-то тупым и тяжелым. Оля почти физически ощущала, что от этих смертельных ударов она зашаталась и начала падать куда-то вниз, в какую-то черную зловонную и бездонную яму.

– Оля, Оля! Что с тобой?

Сквозь мутную пелену Скворцова слышала голос подруги и вздрогнула, а потом с большим трудом вернулась в действительность.

– Выпей-ка капельку вина, – торопливо предложила Неля и удрученно добавила: – Прости, Олечка. Я не ожидала, что ты так расстроишься. Мне даже показалось, что ты сознание сейчас потеряешь.

– Рассказывай!

Неля медлила, оттягивая неприятный разговор. Оля же сидела почти без движения, не выказывая ни заинтересованности, ни тревоги, ни нетерпения. Ее красивые глаза казались стеклянными и только руки, лежащие на коленях, крепко сжимали край белой, туго накрахмаленной скатерти.

– Ты только не злись на меня и, прошу, не расстраивайся, – наконец заговорила Верещагина, опустив глаза. В эту минуту Неля боялась смотреть на подругу, которая сейчас напоминала застывшую фарфоровую куклу с красивым мраморным личиком и совершенно пустыми, бессмысленными глазами. – Понимаешь, я об этом узнала совершенно случайно... Где-то с неделю тому назад я видела их в ресторане. Я была там с Пепе. Помнишь, я тебе рассказывала, что он приезжал поговорить по поводу развода. Ну... развестись, наконец, официально. Помнишь?

Неля подняла голову и заискивающе взглянула на Скворцова, которая по-прежнему не мигая смотрела перед собой. Верещагина вздохнула и продолжила:

– Так вот. Мы с Пепе подошли к Валерке поздороваться. Он конечно растерялся. Но с девицей, которая сидела с ним за одним столиком, нас познакомил. Настя ее зовут. И она так себе, ничего особенного из себя не представляет. Шатенка. Довольно высокая. Студентка пединститута. Думаю, что живет в общежитии. Мне показалось, что наглая и хамоватая. Да и накрашена была довольно вульгарно. Стиля никакого, – Верещагина остановилась, перевела дух и вновь быстро заговорила: – Ну мы не стали смущать Скворцова и быстро отошли от них. Они долго не сидели. Видно Валерке было не очень приятно, что мы застали его за жареным и он увел девицу куда-то. Однако я...

– Что ты? – неожиданно подала голос Оля.

– Я успела подкараулить ее в туалете. Ну... ты же понимаешь... Я все время наблюдала за ними. И когда девица пошла в туалет, я последовала за ней. Хотя Пепе и пытался удержать меня. Там я и прижала девицу к стенке. Оказалось, что она встречается со Скворцовым уже полгода. И когда я сказала, что он женат, она просто рассмеялась мне в лицо. Тогда я напомнила ей, что он много старше ее. На что она мне ответила, что ее это устраивает и что это даже прикольно, потому что он может в постели ее многому научить. А еще она сказала, что он богат и его деньги будут весьма кстати, так как ей тоже хочется пожить в свое удовольствие. Тогда я разозлилась и сказала, что Валерка никогда не бросит жену, то есть тебя. А эта наглая тварь опять заржала и ответила, что это не факт и что она приложит максимум усилий, чтобы увести его из семьи. Представляешь?

Оля вдруг живо представила себе картинку ухода Скворцова из семьи. Она рыдает сидя на стуле. Одинокая и несчастная. Денис обхватил колени Валерки и ревет во весь голос. Юля с ненавистью смотрит на него и тихо шепчет: «Ненавижу тебя. Ненавижу вас обоих». К кому конкретно относится первая часть фразы дочери было не совсем понятно. То ли к мужу, то ли к ней самой. Картинка эта была такой живой и реалистичной, но в то же время в ней было что-то фальшивое, киношное и показное, что Ольга неожиданно для себя рассмеялась. Этот нервный смех становился все громче, но Скворцова уже не могла остановиться. Она чувствовала, как по

ее щекам катятся горячие слезы, прожигая на коже лица глубокие борозды, но ничего с собой поделывать не могла. И именно в этот момент она впервые ощутила этот противный плотный ком, который намертво застрял в горле и мешал дышать. Оля закашлялась и схватилась рукой за шею.

Верещагина с ужасом наблюдала за подругой. Она ожидала чего угодно, только не такой бурной истерики, не этого дикого хохота и страшного кашля, который напоминал лай раненой собаки. Неля резко вскочила и бросилась к подруге. Она прижала Олю к себе и принялась гладить ее по голове, как маленькую девочку, которой только что причинили боль.

– Тише, тише, Олечка, успокойся. Кругом люди. На нас уже смотрят. Может тебе воды дать?

– Не волнуйся. Со мной все в порядке. Я спокойна, – задыхаясь произнесла Оля и почувствовала, как ком провалился в желудок. – Давай-ка, подруга, попроси счет. А я выйду на воздух. Душно здесь.

Высвободившись из объятий подруги, на нетвердых ногах и слегка пошатываясь, Оля вышла из зала в узкое фойе. Но идти дальше сил не было. Скворцова остановилась и осмотрелась по сторонам. Ее взгляд уткнулся в маленький диванчик, который привалился к стене как раз напротив входной двери. Едва переставляя ноги, Оля приблизилась к нему и тяжело опустилась в мягкие кожаные подушки. Курить не хотелось. Во рту была такая сушь, что казалось ее не удастся размочить даже литром воды. Оля облизала шершавым языком губы и откинулась на спинку дивана. В голове было звеняще пусто, а душа корячилась в судорогах.

А за порогом милого уютного кафе была уже совсем другая жизнь.

Даже сегодня, спустя месяц после того злополучного обеда, Скворцова не понимала, почему она сразу приняла на веру слова Верещагиной. Ведь Нелька могла и солгать. Это водилось за ней и раньше. Но тогда понимание того, что у Валерки есть другая не вызвало даже ни малейших сомнений. Почему? Наверное, потому, что она уже давно знала это сама. Она догадывалась, она чувствовала. И видела многие вещи, которые не видеть и не чувствовать было нельзя. Но сознание не хотело принимать очевидное за правду. Оно не хотело мириться с реальностью и всякий раз уводило ее в другую сторону, в прошлое. Туда, где все хорошо, где нет проблем, где нет предательства любимого, где она защищена от внешнего мира и где она всей душой жаждет оставаться счастливой до конца своих дней. Скворцова с определенной долей безразличности относилась к тем женщинам, которым изменяли мужья. Таких историй в их окружении было множество. И Оля с иронией наблюдала, как ее знакомые и малознакомые женщины переносят адюльтеры мужей. Вели они себя по-разному. Но в их с Валеркой кругу ни одна несчастная не ушла от неверного мужа. Эти куры прощали неверным мужьям их измены или старательно делала вид, что не в курсе происходящего. Конечно, иногда в глубине души Оля сопереживала им, но не уважала их и даже презирала за то, что эти дуры не смогли удержать подле себя своих мужей. Скворцова боялась даже думать на эту тему, потому что сама не знала, как поведет себя в подобной ситуации. Но одно знала точно: она не простит Валерке измену. Никогда.

Но время шло, а она ничего не предпринимала. И странное дело, всю свою боль, страх, неопределенность и неуверенность в завтрашнем дне Скворцова направила на ту, которая стала причиной ее страданий. На свекровь. Это Ларочка произвела на свет мужчину, который предал их любовь и нанес ей такую страшную рану. Это Ларочка воспитала Скворцова во вседозволенности. Это Ларочка не объяснила сыну, что семья – это самое главное в жизни, в то время как сама меняла любовников как перчатки, а теперь обхаживала Петрушу Усольцева. Именно свекровь вертела Валеркой как хотела, покрывала его проделки и настраивала против семьи. Эта старая карга виновата во всем! И видит бог наступит время, когда старуха поплатится за все сполна!

Оля нашла место на платной стоянке и припарковала автомобиль. Прежде чем покинуть салон, она посмотрела в зеркало. Губы растянuty в злорадной улыбке, а глаза блестят ненавистью. Нет, такой муж не должен ее видеть. Сковорцова на мгновение прикрыла лицо ладонями, а отняв их, вновь взглянула на свое отражение. Из зеркала на нее смотрела счастливая, довольная всеми и всем красивая холеная блондинка. Мягкая, добрая и покладистая. Очаровательная женщина. Просто душка! А еще великолепная жена и мать. Ну и, конечно, примерная невестка.

5.

- Привет, дорогая.
- Здравствуй, милый. Как долетел?
- Нормально. Как дома? Как дети?
- Все хорошо.

Привычный поцелуй. Затертые до дыр банальные вопросы и ответы. Все, как всегда. И никаких эмоций: ни радости от встречи после долгой разлуки, ни душевного трепета, ни нежности, ни любви. Да, все как вчера, позавчера и год назад.

Но на лице Оли блуждала улыбка. Притворно-счастливая. И в который раз за последнее время она подумала о том, что не может вспомнить ту роковую минуту, когда вместо гримасы страдания и горького разочарования она надела на себя маску, изображающую счастье. Маску, под которой она надежно скрыла обиду, страх, боль и отчаяние. Наверное, это было то мгновение, когда она, сидя на диванчике в фойе, вышла из оцепенения и подумала о том, что на измене мужа жизнь не заканчивается. Или, когда вместе с Нелькой переступила порог злосчастливого кафе и вышла на улицу сделав вид, что ничего страшного не произошло. Или, когда приехала домой и Сковорцов, помогая ей снять куртку, с широкой улыбкой на губах поинтересовался:

– Как прошла встреча в верхах? Как там Нелька поживает? Что у нее новенького?

– Да у нее все хорошо. Можно сказать, просто отлично. Пепе наконец соизволил дать ей развод и пообещал, что по-прежнему не оставит ее своими заботами. И будет помогать несмотря ни на что.

– Да уж, – неопределенно хмыкнул Валера. – Только мне что-то в это мало верится. Его патологическая жадность родилась впереди него. Вспомни, как он жался заказать в ресторане целую бутылку «Столичной», когда мы были у них в гостях. Он еще потом долго пытался нам объяснить, что у них, итальянцев, не принято заказывать алкоголь бутылками.

– Ну и что? На Нельку ведь он никогда денег не жалел. И думаю, что он немаленькую сумму отстегнул хозяину борделя, выкупая ее.

– Ну... я бы тоже не пожалел денег на красавицу-модельку, оказавшуюся в затруднительной ситуации. И помог бы девушке выпутаться из неприятностей.

– Правда?

– Да шучу я, шучу, – рассмеялся Сковорцов. – Не делай такое сердитое лицо. Ты у меня одна такая красавица, умница и прелестница. Ну, ты понимаешь, о чем я. Ни одна женщина с тобой не сравнится.

Муж коснулся губами ее щеки и отправился наверх к детям. А она осталась в холле пялясь на свое отражение. Она попыталась натянуть на лицо счастливую улыбку, которая должна была символизировать полное и безоговорочное удовлетворение от слов мужа. И хотя в этот момент никто не видел слез неожиданно брызнувших из глаз, она упрямо растягивала в улыбке дрожащие губы. Потом смахнула ладонями слезы и потянулась к ящику комода, где лежала косметика. Она припудрила лицо и начала медленно подводить глаза черным косметическим карандашом.

Тогда ей в голову пришла мысль, что дело дрянь. Валерка врет и не краснеет. Когда ложь входит в привычку, то врать с каждым днем становится все легче. И сейчас она точно

знала, что ложь уже давно стала для мужа нормой. И что теперь делать дальше с этим безнадежным отчаянием, которое с каждой секундой поглощает ее все больше и больше? Но ответа на этот вопрос не было, как не было особого желания думать об этом сейчас.

Оля помнила, как бросила карандаш на комод, провела пару раз щеткой по волосам и побрела в кухню. А ночью... а в ту ночь они спали мало. Она желала, как можно теснее слиться с мужем, чтобы освободить свою голову от назойливых и страшных мыслей. Она не могла и не хотела потерять его. Она шептала нежные слова и ожидала от него того же. И он откликался на ее призывы и любил ее так, как когда-то давно, в самые первые месяцы их близости. В ту невероятную ночь она жаждала давно забытого наслаждения и наконец провалилась в его бездну. Ей казалось, что может умереть от восторга все больше и больше поглощающего ее. И когда из груди вырвался крик наивысшего экстаза, из ее глаз покатились слезы. Но это были слезы блаженства и удовлетворения, а еще счастья обладания любимым мужчиной, который был с ней здесь и сейчас. Спустя какое-то время в сознании запульсировала мысль, что нельзя сдаваться без боя. И муж должен и будет принадлежать только ей одной. И надо только избавиться от помехи. И эта необузданная страсть, и вершина блаженства, на которую она сейчас взошла, будет ей покоряться снова и снова.

В ту ошеломительную ночь она боялась заснуть, чтобы невероятное состояние легкого полета в невесомости не ушло, не исчезло, не растворилось. Она хотела запомнить это состояние и эти восхитительные мгновения с тем, чтобы в дальнейшем они помогали ей стать неуязвимой и смелой в ее грядущей борьбе за счастье. И именно тогда она решила, отныне больше никто не увидит ее слез и не почувствует ее слабости. И никто не заберет у нее то, что принадлежит ей по праву.

Следующим утром она проснулась от нежных поцелуев, которыми муж осыпал ее лицо.

– Что с тобой произошло? Ночью ты словно обезумела, – тихо произнес Валера, нежно проведя пальцами по ее животу. – И не делай вид, что ты спишь.

– Тебе не понравилось? – кокетливо откликнулась она.

– Напротив. Ты была великолепна, – прошептал Скворцов и погладил ее бедра, потом грудь.

Тогда она прижалась к мужу всем телом и когда он мягко вошел в нее, застонала и крепко обхватила его бедра руками, яростно двигаясь навстречу экстазу. Муж был ласковым, любящим и неистовым. Непередаваемое наслаждение вновь захлестнуло ее.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя, – шептала она и была в его объятиях послушной и настойчивой, а он был частью ее. И так будет всегда. Всегда...

А потом они еще долго лежали в постели, и она размышляла о том, что ее дом, семья и сам Валера – это ее защита от окружающего большого мира, который таит в себе опасность для ее личного маленького мирка, гораздо более важного и значимого. Она заставит заплатить всех, кто рискнет покуситься на ее мир. И первой в списке стоит эта дрянь и потаскуха Настя. Только нужно действовать с осторожностью и быть начеку. Валера ни о чем не должен догадываться. А потом..., а потом она разберется и со свекровью. Каким образом? Пока не ясно. Но судьба непременно подскажет способ избавления и от старухи. В этом сомнений нет.

– О чем задумалась?

– Да, собственно, ни о чем. Просто даю тебе возможность немного отдохнуть после перелета. Мне кажется, что ты даже немножко дреманул.

– Было дело. И как хорошо, что мы уже подъезжаем. Я очень соскучился по детям. Уверен, что мои подарки им понравятся.

– Нисколько не сомневаюсь.

– И для тебя, милая, у меня есть маленький сюрприз.

– Какой? – оживилась Оля и быстро взглянула на мужа.

– Не отвлекайся от дороги, а то поворот пропустишь. И какой это будет сюрприз, если я сейчас расскажу тебе о нем?

– Ладно, – счастливо рассмеялась Оля. – Не буду тебя допрашивать, тем более, что мы уже дома.

Оля остановила машину у ворот и посигналила. Ворота автоматически открылись, и она повела «Рено» к гаражу.

Пока Скворцовы выбирались из машины во двор выскочили дети и со всех ног бросились к отцу. Оля наблюдала с какой радостью муж обнимает детей и почувствовала легкий укол ревности. Ее встреча с мужем в аэропорту была совершенно иной. Но додумать свою мысль Оля не успела. Открылась дверь дома и на пороге появилась обслуга, которой надо было отдать распоряжения относительно багажа мужа и позднего обеда. Времени до банкета оставалось в обрез. Дав указания, Скворцова поспешила в спальню, чтобы принять душ и, хотя бы минут десять полежать в постели. Необходимо набраться сил перед предстоящим спектаклем, который ей придется разыгрывать перед гостями свекрови вечером.

Снимая с себя одежду, Оля слышала приглушенные радостные визги детей, доносящиеся с первого этажа. По всей видимости Юля и Денис уже получили свои подарки. Стоя под душем и стараясь не намочить волосы, Скворцова перебирала всевозможные варианты своего подарка, но так и не пришла к какому-то знаменателю. Почувствовав некоторое облегчение после горячего душа, Оля завернулась в большое мягкое полотенце и вышла из ванной. В спальне на широкой и уже расстеленной кровати сидел муж. Он загадочно улыбался и небрежно вертел в руках квадратную сафьяновую коробочку алого цвета.

– Иди ко мне, – поманил рукой жену Скворцов и приоткрыл футляр. – Я хочу, чтобы ты примерила мой подарок.

Оля приблизилась к мужу и присела рядом с ним. Она заглянула внутрь изящной упаковки и от восторга громко вскрикнула. На черной бархатной подушечке лежал усыпанный бриллиантами браслет от Картье, а его пряжка, выполненная в виде головы пантеры, горела сапфировыми глазами.

– Господи, какая роскошь, – прошептала Скворцова.

– Не ожидала такого сюрприза? – удовлетворенно засмеялся Валерий. – Именно такой ты была в ту ночь. Помнишь? Давай, дорогая, примерь.

Оля надела украшение на руку. Какое-то время она восхищенно любовалась браслетом и игрой камней, а потом повернулась к мужу и крепко обняла его.

– Спасибо, милый. Если я тебя сейчас поцелую, то мы можем опоздать на банкет, – игриво проговорила Оля и нежно провела пальцами по его груди.

– Не страшно... Можем и опоздать, – не в силах сдерживать желание, прохрипел Скворцов, повалил Олю на кровать и страстно припал к ее губам.

На банкет по случаю дня рождения Ларочки Скворцовы действительно явились с большим опозданием.

6.

Довольно уютный, но небольшой зал ресторана «Вернисаж» был забит до отказа. Марина, певица неопределенного возраста, исполняла какую-то лирическую композицию и пыталась изображать на бледном одутловатом лице вселенскую печаль. Скворцовой, пару раз забегавшей сюда перекусить, интересно было знать, почему Борис Ильич Вардин, хозяин ресторана и давний приятель свекрови, держит на работе эту безвкусно одетую заплывшую жиром бабищу. А ведь сколько молоденьких и длинноногих певичек готовых на все, или почти на все, мечтают о непыльном заработке в каком-нибудь более или менее приличном кабаке! Как-то раз, столкнувшись с Вардиным у свекрови, Оля спросила его об этом. Ресторатор признался, что когда-

то в молодости был влюблен в Марину и добавил, что голос у нее поистине волшебный. В наше время не так-то легко найти певицу без капризов и выкидонов, да еще весьма сговорчивую в плане гонорара. К тому же у Марины прекрасные голосовые данные и очень широкий диапазон, и, если бы не ее пристрастие к алкоголю, она запросто могла бы блистать на современной эстраде не хуже, чем известные звезды шоу-бизнеса. Оля естественно восприняла слова Бориса весьма скептически, но спорить с ним не стала. В конце концов умному еврею виднее, как вести свои дела и как распоряжаться собственными деньгами.

На маленьком танцполе несколько пар медленно двигались в такт мелодии. Администратор ресторана, невысокий гладковыбритый мужчина лет пятидесяти, уверенно повел Сковорцовых к банкетному залу. Они осторожно пробирались между столами, за которыми восседала довольно разношерстная публика. Здесь были и семейные пары, и молоденькие девочки с престарелыми ухажерами, и одинокие командированные мужики, надеявшиеся снять кого-нибудь на ночь. И выбор у них был, потому что за несколькими столиками сидели небольшие чисто женские компании. Несомненно, эти дамы средних лет рассчитывали завести в этом заплесневелом кабаке романтические отношения хоть с кем-нибудь. Оля подумала, что, возможно, эти одинокие бедолаги просто пришли отметить какой-нибудь праздник. Но по выражению их ярко раскрашенных лиц и по громкому вызывающему смеху, легко можно было догадаться об их желании привлечь к себе внимание. А некоторые из них откровенно излучали даже открытое обещание скрасить вечер одинокого мужчины без претензий и обязательств.

Многие мужчины с явным любопытством и одобрением поглядывали на Олю. Она же, абсолютно не чувствуя неловкости от откровенно пошлых взглядов, шла рядом с мужем с высоко поднятой головой. Она не могла взять в толк, почему Ларочка изменила свое первоначальное решение и выбрала именно этот старый ресторан. Сначала свекровь хотела отметить свой день рождения в «Зодиак», и Сковорцов одобрил ее выбор. В «Зодиак» отличная кухня, вышколенные официанты и настоящие, не поддельные вина, а также, что немаловажно, приличная публика. И все это было достойно его матери. Но «Вернисаж»? Что могло заставить разборчивую старуху пересмотреть первоначальное решение? Скорее всего, это Борис по старой дружбе предложил Ларочке свои услуги. И несомненно прожженный делец клятвенно пообещал, что в его ресторане гостей свекрови обслужат по высшему разряду и на тарелках будет действительно хорошая и качественная еда. А может за этим выбором кроется нечто иное. Однако понять некоторые мотивы и поступки свекрови порой было сложно, поэтому Оля решила не заморачиваться на такой ерунде. Она смирилась с неизбежным и теперь вынуждена какое-то время провести в занюханном кабаке в компании скучных и занудных старперов.

Тем временем администратор и Сковорцовы вошли в небольшой банкетный зал, где был накрыт стол на шестнадцать персон. Во главе стола восседала Лариса Игнатьевна. Ее порозовевшее от алкоголя лицо светилось радостью. При виде сына и невестки Ларочка поднялась и сделала шаг навстречу к сыну и невестке.

– Надо же! Кого я вижу! – Без тени удивления воскликнула именинница и с металлической ноткой в голосе спросила: – Почему опоздали?

При этом Ларочка обращалась только к сыну и смотрела только на него, словно Оли здесь не было. От этого явного игнорирования своей персоны, Оля недовольно передернула плечами, но промолчала, по-прежнему мило улыбаясь. Ничего не поделаешь: они не в таких отношениях, чтобы рассыпаться в любезностях друг перед другом.

– Извини, Ларочка, сама понимаешь... Я прилетел только после обеда. Надо было немного отдохнуть. Я очень рад тебя видеть и хочу поздравить тебя с днем рождения.

Сковорцов протянул матери корзину с цветами и добавил:

– Уж прости, но главный подарок я привезу тебе завтра. Коробка с сервизом очень большая и тащить ее сюда не имело смысла.

– Как жаль, – капризно скривила тонкие губы Ларочка. – Я хотела им полюбоваться еще сегодня. Ну да ладно, милый, завтра так завтра. А теперь прошу... И так как вы опоздали, вам придется сесть на другом конце стола.

Лариса Игнатьевна передала корзину с цветами администратору ресторана, поцеловала сына и вернулась на свое место.

«Вот же стерва, со мной даже не поздоровалась и не дала себя поздравить. И усадила черт знает куда. И по поводу цветов ничего не сказала. Ух, ну как же я ее ненавижу!» – думала Оля, идя вслед за мужем к двум свободным стульям в дальнем торце стола. Скворцов же приветливо здоровался с гостями матери: мужчинам пожимал руку, а женщинам щедро раздавал комплименты. Чувствовалось, что здесь он в своей тарелке. Среди старинных друзей матери он желанный гость. К тому же его нисколько не смущало выделенное ему и жене место на «задворках» этого праздника.

Оля лучезарно улыбалась и кивала головой в ответ на приветствия гостей свекрови. Конечно, стол был сервирован отлично. Блюда выглядели весьма аппетитно. Оля почувствовала насколько сильно проголодалась. Усаживаясь на стул, она решала, что положить себе в тарелку: какой-нибудь салат, бутерброд с черной икрой или лосось в белом соусе. Выбор предстоял непростой. Хотелось попробовать все, но муж, не спрашивая о ее предпочтениях, сделал выбор за нее. Он налил в бокалы шампанского, разложил по их тарелкам бутерброды, а потом выжидательно уставился на мать, словно испрашивая разрешения произнести тост.

Ларочка едва заметно кивнула. Скворцов поднялся и принялся произносить длиннющий тост, в смысл которого Оля даже не вникала. Она смотрела на свекровь и вынуждена была признать, что та выглядела сегодня просто восхитительно. Высокая статная женщина, с отлично сохранившейся фигурой и без малейшего намека на живот, она совершенно не выглядела на свои годы. Свекровь всю жизнь тщательно следила за собой. Поговаривали, будто по утрам она умывает лицо только холодной водой. И не просто водой, а растопленным льдом с добавляем трав. А потом делает массаж и наносит на лицо дорожный крем от Шанели. Даже в периоды своих разводов свекровь не позволяла себе раскисать и опускаться. Не в пример ее ближайшей подруги Татьяны Ивановны Титовой, которая из-за неимоверной полноты едва помещалась на стуле и упиралась огромным животом в край стола.

Да. Свекровь любила себя и не отказывала себе ни в хорошей косметике, ни в различных косметических процедурах. Лицо ее было молоджавым, гладким и без морщин. Удивительно, что даже холеные руки не выдавали ее солидного возраста, потому что на них не было старческих пигментных пятен. Дорогое кружевное серое платье сидело на Ларочке как влитое. Аккуратно подкрашенные волосы и приличная укладка делали ее много моложе. Даже едва заметный макияж украшал и молодил старуху.

Все эти подробности внешности свекрови Оля оценила молниеносно, как только вошла в банкетный зал. Сейчас же она рассматривала свекровь более пристально и думала о том, что при таком уходе за собой старая карга с легкостью проживет еще лет тридцать. При этом она уловила и направленный на себя взгляд свекрови. Даже не на себя, а на подарок Валерки. Старухе не удалось скрыть своего удивления и зависти. В свете ярких бра, развешанных по всему периметру банкетного зала, браслет Оли играл острыми разноцветными лучиками, как и положено дорогому изысканному украшению. В это самое мгновение Оля ощутила прилив злорадства и даже торжества. Ведь подарок мужа по стоимости намного превосходил цену английского сервиза.

Вскоре лицо Ларисы Игнатьевны приняло свое первоначальное высокомерное выражение. Она легонько постучала по хрустальному фужеру вилкой. Когда суэта за столом улеглась, именинница низким контральто торжественно произнесла:

– Ну вот, дорогие мои друзья, после поздравлений сына, я хочу предоставить слово Петруше. Он хочет сделать важное сообщение.

Гости понимающе заулыбались и устремили взгляды на высокого мужчину в костюме от Бриони. Усольцев вальяжно поднялся с места и торжественно сказал:

– Наполните свои фужеры, господа! И непременно шампанским. Имею честь доложить вам, что на днях я сделал Ларочке предложение руки и сердца. И она любезно согласилась выйти за меня замуж.

Оля недоуменно разглядывала оживившихся друзей свекрови. Татьяна Ивановна удивленно вскинула брови. Было заметно, что эта новость сразила ее наповал. Еще одна приятельница свекрови Нинка Миркина состроила мину, будто она уже давно догадывалась о том, что этот брак неизбежен.

Оля перевела взгляд на мужа. Валерка широко улыбался и, казалось, совершенно не был удивлен столь приятным известием.

– Так ты знал? – прошептала Оля, наклонившись к мужу.

– Да, дорогая, знал. Ларочка мне позвонила в Лондон и поделилась этой замечательной новостью.

– Почему ты мне ничего не сказал?

– Я хотел сделать тебе еще один сюрприз, дорогая.

– Ах вот как. Значит сюрприз... – выдохнула Оля и опять почувствовала приступ ничем не контролируемой ярости. Рука с фужером задрожала, и казалось, что он сейчас лопнет от силы, с которой ее тонкие пальцы сжимали этот хрупкий сосуд.

Тем временем Усольцев, довольный реакцией гостей, провел рукой по седым волосам и заговорил снова:

– Но это еще не все, друзья! Мы с Ларочкой переезжаем в Испанию, где я не так давно приобрел маленькую виллу в Салоу. Пора и нам с Ларочкой отдохнуть. Ну, а вы, если пожелаете, будете приезжать к нам в гости. Мы будем рады видеть вас всех у себя.

За столом поднялся невероятный гам. Все принялись обсуждать сногшибательную новость. Только Оля, словно в замедленной съемке наблюдала, как красивый фужер беззвучно рассыпается, а шампанское, стекая по руке, капает на ее маленькое черное платье и собирается на бедре в большое мокрое пятно.

7.

На следующее утро Оля проснулась поздно. Она не слышала, как муж уехал в офис, а дети разбрелись по дому. Голова нестерпимо болела. Поначалу Скворцова хотела встать и привести себя в божеский вид: принять холодный душ, выпить аспирина и чашку кофе, подкраситься и сделать прическу. Но чтобы прийти в норму, прежде всего нужно каким-то чудесным образом вытащить себя из теплой постели. Но Скворцова поступила прямо противоположным образом. Она поплотнее закуталась в шелковое одеяло и на какое-то время затихла.

Однако голова уже не просто болела, а разламывалась на куски. Но еще хуже было то, что упрямая память снова и снова возвращала ее во вчерашний вечер.

После злосчастного конфуза с треснувшим фужером, захотелось напиться как свинья. Вот она и приняла больше положенной нормы. Ей тогда показалось, что ужраться вусмерть – это единственный способ заглушить стыд и обиду на себя. Она не сдержалась и позволила чувствам вырваться на волю. Она выставила себя полной дурой перед этими старперами, и что самое главное, перед свекровью, Усольцевым и Валеркой.

Муж наблюдал за ее чрезмерными возлияниями сначала с улыбкой, потом в его глазах замелькала легкая тревога. Однако Валерка не стал прилюдно поднимать скандал и настаивать на том, чтобы она прекратила пить все подряд. То ли не хотел портить настроение себе и Ларочке, то ли желал в глазах гостей матери выглядеть таким снисходительным и все понимающим мужем. Мужем, который легко прощает своей легкомысленной и неразумной супруге всяческие проделки. А может ему просто-напросто было на все плевать. Валерка веселился от

души. Он перетягал на танцпол всех баб и рассыпался перед ними в комплиментах. Приятельницы свекрови млели от счастья. Было очень смешно наблюдать, как старухи таяли в объятьях мужа и строили ему глазки. Одним словом, Скворцов был весел, услужлив и чрезвычайно мил со всеми, включая даже и ее саму.

Ларочка же была очень довольна сыном и производимым им впечатлением. Она была горда тем, что вырастила красивого, хорошо воспитанного и очень обходительного мужчину. Свекровь всякий раз подчеркивала это и без конца хвасталась сыном. Теперь старухе и ее подружкам не хватит и года, чтобы обсосать и банкет, и закуски, и красавчика сына, и предстоящую свадьбу, и переезд будущих новобрачных в теплую страну.

Но Оля хорошо знала, что в первую очередь старые гримзы примутся сплетничать именно о ней. Брызгая слюной от зависти, эти молодящиеся из последних сил мегеры, будут обсуждать ее прическу, платье, шикарный браслет и, естественно, разбитый фужер. Ну, а Валерка в нужный момент обязательно упрекнет ее в отсутствии манер и элементарной культуры. Потом состроит обиженного и будет дуться два-три дня.

Когда они возвращались из ресторана домой, Скворцов еще в такси хотел высказаться по поводу ее поведения на банкете. Но по какой-то причине передумал. Он всю дорогу восхищался отлично организованным ужином и был просто в восторге от того, что мать и Петруша наконец оформят свои отношения. Но больше всего муж радовался тому, что Ларочка, как все нормальные люди, остаток жизни проживет в цивилизованной стране, да еще у моря. У мужа не было никаких сомнений в том, что Усольцев обеспечит его матери достойную жизнь. Отныне Ларочка не будет знать ни забот, ни хлопот. Да и они сами смогут каждое лето отдыхать в Испании, останавливаясь на вилле Усольцева. И не надо будет пользоваться услугами туристических агентств и переплачивать сумасшедшие деньги за перелет и номер в пятизвездочном отеле.

Все разгогольствования мужа Оля слушала в пол-уха и только согласно кивала головой. Она была пьяна настолько, что Валерке пришлось чуть ли не волоком тащить ее в дом. Она абсолютно не помнила, как оказалась в спальне, как разделась и как улеглась в кровать.

Оля почувствовала, что головная боль становится уже невыносимой. Она приподнялась и оперлась на локоть, стараясь припомнить, где вчера оставила сумку. Оля точно знала, что накануне предусмотрительно сунула в косметичку конвалютку аспирина. Должно быть сумка валяется на полу возле платяного шкафа.

Скворцова неохотно отбросила одеяло, с трудом поднялась с постели и прошлепала к шкафу. Она подхватила сумку и вернулась в постель. Каждое движение отдавалось в голове мучительной болью. Аспирин нашелся быстро. Дрожащими пальцами Оля вырвала из бумажной упаковки две таблетки, бросила их в рот и принялась разжевывать не запивая. «Это же надо было так вчера ужраться! Больше ни капли не возьму в рот», – подумала она и опустилась на подушки. Кисловато-горький привкус лекарства был гадким, такими же отвратительными были и воспоминания о вчерашнем вечере.

Сейчас Оля живо представила картину своего позора и поморщилась.

8.

После того как в руке Оли треснул фужер, Татьяна Ивановна, которая сидела к ней ближе всех, громко вскрикнула и бросилась смахивать с ее колен мелкие осколки стекла. Скворцова чувствовала: недоумевающие взгляды всех присутствующих в банкетном зале сейчас направлены только на нее.

Да, она облажалась. И облажалась по полной программе. Но что сделано, то сделано. И ничего уже изменить нельзя.

А тем временем Титова принялась промокать мокрое пятно на платье салфеткой, которую ей любезно подал Валерка. Он смущенно улыбался, старательно делая вид, что ничего сверхъестественно не произошло. Чтобы побыстрее избавиться от всеобщего внимания и чувства досады охватившего ее, Оля резко отвела руку Титовой и тихо извинившись, встала из-за стола. Быстрым шагом она миновала зал ресторана и побежала к дамской комнате. Титова почему-то увязалась за ней. Охая и причитая, толстуха помогла застирать пятно. Она услужливо протягивала бумажные полотенца и при этом лепетала что-то типа: «С кем не бывает, Оленька. Пятно, к счастью, отстиралось. Но все же сдай платье в чистку. Небось, оно дорогое. Жалко ведь. И ты только не расстраивайся, милая. С каждым это может случиться. Хорошо, что ты не порезалась...» От этих жалостливых кудахтаний лучшей подруги свекрови становилось только хуже. Но, к счастью, надеть привычную маску вежливости уже не составляло труда и Оля, благодарно улыбнувшись, сказала:

– Спасибо вам, Татьяна Ивановна, за помощь. Я в порядке, да и с платьем ничего не будет. Мы вовремя застирали пятно.

– Пожалуйста, Оленька, – проворковала Титова и подсластила Оле жизнь комплиментом: – Ты, милая, выглядишь сегодня чудесно. Впрочем, как и всегда. Тебе так идет это маленькое черное платьице, а лабутены просто прелесть! И браслет твой поистине восхитителен! Брильянты так и играют, так и играют. Это Картье? Я так понимаю, что это Валеркин подарок?

– Да. Муж привез браслет из Лондона, – подтвердила Скворцова, тщательно скрывая раздражение от фальшивого бисера слов льстивой тирады Титовой. В эту минуту Оле очень хотелось остаться одной и подумать над тем, как вести себя дальше. Хотя, о чем тут думать? Все должно быть как всегда: она весела, счастлива и всем довольна. А инцидент с фужером – это всего лишь маленькая оплошность, на которую не следует обращать внимания. Гости свекрови быстро забудут об этом маленьком происшествии, им есть на кого переключить свое внимание. Но впредь необходимо быть более внимательной и не допускать подобных ошибок. Вот только не понятно одно, почему она так бурно среагировала на очень хорошую новость? Позавидовала свекрови? Потеряла бдительность? Или не ожидала, что ее желание исполнится так быстро? Как она и мечтала, старуха уедет и оставит ее семью покое раз и навсегда. Исчезнет, растворится...

Сквозь размышления о грядущих переменах, в сознание Скворцовой прорвался голос Татьяны Ивановны. Теперь толстуха не скрывала своей зависти:

– Да, милая, повезло тебе с мужем. Вот бы мне такого. Мой-то Альбертик на такое не способен.

Оля тут же представила мелкого и тщедушного Альберта Николаевича Титова, который в объеме был ровно в половину меньше своей необъятной супруги. Да и за какой хрен этот учительшка купит такую дорогую и изысканную вещь? Несчастный Титов всю жизнь преподавал в техническом универе сопромат и занимался репетиторством, но все равно не мог нормально обеспечивать постоянно растущие запросы Таньки и их великовозрастной дочери.

Скворцова чуть не рассмеялась в голос. Едва сдерживаясь, она почти искренне сказала:

– Согласна с вами, Танечка, целиком и полностью. У меня классный муж. Но моему Валерке тоже повезло со мной.

– А никто и не спорит. Только вот...

Титова запнулась. Выбросив влажные бумажные полотенца в урну, она обернулась к Оле.

– Мне кажется, что тебе, Оленька, нужно быть с Ларочкой немного поласковей, – вино-вато-заискивающе продолжила Титова. – Тем более, что уедет она с Петрушей в Испанию и видеться вы будете очень редко. Будь умницей, девочка моя, помирись с Ларочкой!

– Но мы и не ругались, – неприязненно отозвалась Оля. Она подставила под сушилку мокрые руки, а про себя подумала: «Неужели все так явно? Старуха уже начала жаловаться на меня своим подругам. Не хотелось бы, чтобы эти разговоры дошли до ушей Валерки».

– Я понимаю, – между тем усиливала напор Татьяна Ивановна, – что вы обе ревнуете Валерочку друг к дружке. Но все же надо как-то находить общий язык. Хоть это и не мое дело, но я же вижу, как Ларочка переживает из-за ваших отношений.

– Это действительно не ваше дело, уважаемая Татьяна Ивановна, – враждебно парировала Оля. Она порывисто выключила сушилку и просверлила Титову недобрым взглядом. – И я бы предпочла, чтобы вы и впредь не совали свой длинный нос не в свои дела. Я вас предупреждаю: не вмешивайтесь в мою жизнь! Я этого не потерплю. Так и знайте!

– Ну не злись, Оленька... Я же хочу, как лучше, – Титова вздрогнула от неожиданной грубости собеседницы и сдала свои позиции. Она обиженно засопела и тут же подумала о том, что Ларочка была во всем права. Ее невестка не та, кем кажется. Высокомерная, наглая, неблагодарная и никого не уважающая девчонка!

Чуть позднее и господин Усольцев тоже решил внести свою посильную лепту в отношения между свекровью и невесткой.

Когда гости вволю порадовались за будущих новобрачных и их переезду в Испанию, все дружно отправились на танцпол. Валерка пригласил мать на медленный танец и выходя из банкетного зала, они принялись что-то живо обсуждать. А Оля осталась сидеть за столом в полном одиночестве. Потягивая терпкое красное вино, она снова и снова мысленно упрекала себя за несдержанность. Увы, но и на этот раз она не смогла стерпеть наглого вмешательства в свою жизнь. Сейчас хотелось одного – поскорее напиться и утопить в желудке осадок, оставшийся после всего случившегося на этом поганом банкете.

Но даже в эту минуту, оставшись наедине с собой, Скворцова привычно излучала полное спокойствие и удовлетворение от происходящего вокруг.

Неожиданно рядом с собой Оля услышала вкрадчивый голос Усольцева. Петруша, который всегда напоминал ей сытого, вальяжного и самоуверенного кота, стоял опираясь на спинку стула. Петруша проницательно вглядывался ее лицо и приветливо улыбался. От этого пристального взгляда Оля почувствовала себя не совсем уютно. Она поежилась и насторожилась. Усольцев был человеком умным, расчетливым и коварным. С ним надо быть очень внимательной.

– Ольга Николаевна, вы не будете против, если я присяду рядом с вами?

Оля чуть не поддалась искушению ляпнуть: «Нет!», но вовремя прикусила язык и радушно ответила:

– Нет, дорогой Петр Викторович, не буду.

Усольцев уселся рядом с Олей и мечтательно вздохнул:

– Какой чудесный вечер! Вы не находите?

– Да. Все отлично.

– Ларочка сегодня очень счастлива, да и гости всем довольны. Вардин оказался на высоте, не подвел нас. Еда приготовлена великолепно.

– Согласна с вами, Петр Викторович, целиком и полностью.

– Однако, сударыня, такую красавицу как вы нельзя оставлять в одиночестве за праздничным столом, вот я и решил составить вам компанию. У вас все хорошо, милая? Мне это кажется, или вы чем-то расстроены? Уж не разбитым ли бокалом? Но это такая ерунда, дорогуша. Уж поверьте на слово мне старому, умудренному опытом человеку.

– Нет, я не расстроена. И да, вам действительно показалось, Петр Викторович. Если честно, то я уже и забыла об этом маленьком недоразумении, – соврала Оля и лучезарно улыбнулась.

– Вот и отлично! – почти радостно воскликнул Петруша, но его глаза по-прежнему оставались серьезными. Тем не менее он продолжил в характерной для него льстивой манере: – Вы всегда очаровательны, дорогая, но сегодня вы просто затмеваете всех своих красотой и элегантностью!

Старый ловелас взял руку Оля и поднес к своим губам. Скворцова едва сдерживала брезгливость, но руки не отняла. Она по-прежнему улыбалась. Однако эта искусственная улыбка с каждым мгновением давалась все тяжелее.

– Вы, наверное, даже не осознаете насколько вы красивы и обворожительны. И как это Валерий умудрился заполучить вас? Я даже немножко завидую ему.

Бархатный и слащавый голос Усольцева мог околдовать Ларочку или еще какую-нибудь старую дуру, но только не ее. Но Оля сходу приняла игру Усольцева и кокетливо стрельнула глазами.

– Завидуете? Это вам нужно завидовать, Петр Викторович! Лариса Игнатьевна гораздо красивее меня.

– Да. Ларочка – это любовь всей моей жизни. Ей нет равных. Но если бы мне скинуть годков этак двадцать-двадцать пять, я с удовольствием, Оленька, поборолся бы с Валерием за вас. И кто знает? Возможно я бы вышел победителем...

Оля откинула голову и от всей души рассмеялась.

– У вас, Петр Викторович, не было бы никаких шансов. Я люблю мужа и ни на кого его не променяю.

– Да, я знаю, Ольга Николаевна. И простите меня, если я вас обидел, – уже совершенно другим тоном сказал Усольцев. – Мы с Ларочкой очень рады, что у Валерия такая жена. Среди красивых женщин редко можно встретить такую верную и порядочную жену как вы. Вы особенная, Олечка. Но... – Усольцев сделал паузу и осторожно сказал: – Простите меня, дорогая, но боюсь, что другого удобного случая может не представиться... Меня, как будущего мужа Ларочки, кое-что беспокоит...

Петр Викторович осекся и какое-то время сидел молча. Создавалось впечатление, что поклонник свекрови о чем-то сосредоточенно думает.

Оля была заинтригована. Поведение Усольцева по меньшей мере было странным. Сначала какие-то пошловатые комплементы, сальные взгляды, а теперь еще какое-то «но». Чего он хочет?

Между тем пауза начала затягиваться, но Оля не собиралась помогать новоявленному жениху выпутываться из затруднительной ситуации. И на удивление Оли Усольцев заговорил решительно и даже жестко:

– Простите, Ольга Николаевна, но я выскажусь прямо. Я обеспокоен тем, что между вами и Ларочкой в последнее время возникло какое-то напряжение. Она не понимает, почему вы стали реже бывать в ее доме. Ларисе даже кажется, что вы умышленно избегаете общения с ней. Вы перестали звонить, да и детям не разрешаете с ней видеться.

– С чего вы это взяли, Петр Викторович? – сердце Оли учащенно забилося, а под ложечкой неприятно засосало.

– Ларочка как-то поделилась со мной своими переживаниями. Она довольно откровенно рассказала мне о том, что вы стали с ней холодны, не интересуетесь ни ее здоровьем, ни ее жизнью, а иногда даже бываете грубы. Практически ваши контакты сведены к нулю. И меня это не может не волновать. И, кстати, эту перемену в ваших отношениях заметили все. Не только она...

Глаза Усольцева стали колючими и злыми. Оле показалось, что морщины на его лице углубились. Сейчас поклонник свекрови не скрывал своей крайней озабоченности и даже некоторой враждебности. Этот неожиданный и странный выпад Усольцева взволновал Олю не на шутку. «О Господи! – подумала она. – Он что, пытается запугать меня? Зачем? Мне до фонаря его страшилки. Пусть старый пердун катится к чертовой матери! Но, с другой стороны, если свекровь поделилась с Танькой и Петрушей своими подозрениями, значит и Валерке она тоже жаловалась. И теперь разборки с ним не миновать. А эти разборки означают еще и грандиозный скандал. Даже страшно представить, во что этот скандал может вылиться. Этого нельзя допу-

ститъ, тем более, что у него есть молодая любовница, способная увести его из семьи. Нельзя допускать с ним никаких ссор! Ни в коем случае!»

– Вы ошибаетесь, Петр Викторович, и делаете неверные выводы. Я по-прежнему очень хорошо отношусь к Ларисе Игнатьевне. Но у меня столько дел и забот, что, возможно, я стала недостаточно внимательна к свекрови. Но я исправлюсь, Петр Викторович! Честное слово, – попыталась схитрить Оля, но почувствовала, как фальшиво звучат ее слова. Чтобы скрыть волнение, она потянулась за бокалом с вином.

– Давайте, сударыня, я за вами поухаживаю, – немного смягчил тон Усольцев. Он добавил вина в бокал Оли и высказался вполне конкретно: – Мы с Ларочкой скоро уезжаем. И мне бы не хотелось, чтобы она покидала семью и страну с тяжелым сердцем. Я не хочу, чтобы она волновалась и переживала. Я намерен заботиться о ней и никому не позволю ее обижать. Вы понимаете меня?

Усольцев требовательно смотрел на Олю в ожидании ответа.

– Нет, не понимаю! – вызывающе ответила Скворцова. – И не хочу понимать! У вашей будущей жены нет оснований для тревог. Мы все любим и уважаем ее. Да и в нашей семье все хорошо. Валера в надежных руках и беспокоиться о нем и детях не стоит. И не нужно искать проблем там, где их нет, Петр Викторович! Так и передайте Ларисе Игнатьевне. А вот и она...

Оля облегченно выдохнула. В банкетный зал вслед за другими гостями вошла Ларочка, а за ней и Валерка. Усольцев поднялся и сделал шаг навстречу своей невесте. А Оля вновь растянула губы в привычной счастливой улыбке и приветливо помахала мужу рукой.

9.

Сейчас, вспоминая эти пренеприятнейшие эпизоды вчерашнего банкета, Оля почувствовала, что головная боль, как ни странно, потихоньку отступает. Да, от дикого похмелья таблетки есть, а вот от другой головной боли лекарства у нее пока нет. И чем дальше она будет тянуть с задуманным, тем меньше решимости у нее будет оставаться. Есть еще один немаловажный фактор: уже совсем скоро закончится летняя сессия и предполагаемая любовница мужа отчалит восвояси. Тогда придется ожидать сентября. А это означает, что еще два долгих месяца она будет бездействовать, и страдать от душевных мук и тревоги за свою семью.

Оля открыла ящик прикроватной тумбочки, вынула смартфон, торопливо пролистала список звонков и нашла имя подруги. Она провела пальцем по дисплею и в ожидании ответа села, откинувшись на обитую кожей спинку кровати.

– Я уже хотела звонить тебе сама, – услышала Оля возбужденный голос Верещагиной, явно сгорающей от страшного любопытства. – Но я боялась тебя разбудить. Ну, как все прошло? Понравились Ларочке цветы? Кто там был? Пришла ли бегемотица Титова? Как выглядела свекровь?

Нелька сыпала вопросами, не давая Оле вставить и слова. Наконец словесный поток подруги иссяк и Скворцова, придавая голосу непринужденности, спросила:

– Нель, ты не в курсе, когда у студентов заканчивается сессия?

– Ну не знаю... В разных вузах по-разному. И зачем тебе?

– Как думаешь, в педухе сдают сессию до конца июня или последние экзамены заканчиваются в первых числах июля?

– Думаю, что в июле все уже свободны как ветер. А зачем тебе это знать? Или ты... – ошарашенная Верещагина осеклась на полуслове, вдруг осознав намерение подруги.

– Да, Неля, я решила навестить эту сучку, – не стала скрывать Оля и честно призналась: – Я хочу встретиться с ней и поговорить. Теперь дело за малым – найти эту тварь.

– Ну... в этом я вряд ли смогу тебе помочь.

– Жаль. Очень жаль, – разочарованно пробормотала Оля.

– А ты поищи ее в интернете, – быстро нашла выход из ситуации Верещагина. – Сейчас все тусуются в соцсетях. Думаю, что эта девица тоже не является исключением.

– Нелька, ты какая-то странная, честное слово! Я же ведь не знаю ее в лицо. Это ты ее видела. Вот сама и пошарь в интернете. И будем надеяться, что ее аватарка – это не какой-нибудь зверек или примитивная картинка, а настоящее фото.

– Ладно, – неожиданно легко согласилась Верещагина и тут же предложила: – А ты покопайся в мобильнике Валерки. Он же как-то поддерживает с ней связь. И очень даже может быть, что он не шифруется и ты найдешь там ее имя и номер телефона.

– Но сделать это будет трудно. Сковорцов постоянно таскает смартфон с собой, – задумчиво проговорила Оля и тут же в уме прикинула, как можно добраться до телефона мужа.

– Ну ночью он же не спит с ним в обнимку.

– И то верно, – поддакнула Сковорцова и моментально представила, как крадучись в ночи, она подходит к шкафу и, оглядываясь по сторонам, роется в карманах мужа. Затем находит смартфон в кармане его пиджака и начинает пролистывать исходящие звонки. Но в это самое время Сковорцов просыпается и...

– Слушай, подруга, – нерешительно заговорила Верещагина, прерывая необычное видение Оли. – Я конечно понимаю, что тебе обязательно надо поговорить с этой куклой, но... может лучше оставить все как есть?

– Оставить? Как есть? – сходу возмутилась Сковорцова. – Что ты городишь! Это девка залезла в кровать моего мужа, старается выдрать из него побольше денег, а я должна оставить все как есть? А ты не подумала о том, что она может увести его из семьи?

– Да у нее это вряд ли получится, – твердо ответила Неля. – Сковорцов любит тебя и никогда не бросит детей.

– А ты в этом уверена? – зло прорычала в трубку Оля. – Ты уверена, что он не способен нас бросить?

Но вразумительного ответа от подруги не последовало.

– Ага! Молчишь? – злорадно выкрикнула Сковорцова. – Сказать нечего?

– Я не молчу, Оля, – пошла на попятный Верещагина. – Я просто никогда не задумывалась об этом. Я всегда была убеждена, что Валерка на такое не способен.

Оля горько рассмеялась, нервно провела рукой по волосам и назвала вещи своими именами:

– А вот на банальную измену наш святой оказался способен.

– Да уж... Что правда, то правда, – вынужденно согласилась Верещагина. В эту минуту Неля хотела только одного – сменить неприятную для них обеих тему. Она уже тысячу раз пожалела, что необдуманно сдала Сковорцова с потрохами. Но не предупредить любимую подругу было бы просто нечестно и, положив руку на сердце, непорядочно. По-женски Верещагиной было очень жаль Олю, но сейчас ей оставалось только наблюдать со стороны, во что выльется вся эта грязная история. Ну и по возможности хоть чем-нибудь помочь подруге.

– Ладно, – после краткой паузы примирительно сказала Сковорцова. – Давай оставим это. А что касается банкета, то на нем было много чего интересного. Ты сидишь или стоишь?

– Сажу за столом в своем кабинете, – лаконично ответила Неля и затаила дыхание.

– Это хорошо, потому что на банкете Петруша выдал потрясающую новость, – насмешливо отозвалась Оля и сделала короткую паузу, чтобы еще больше заинтриговать Верещагину.

– Какую? – выдохнула Неля.

– Он сделал старухе предложение руки и сердца и увозит ее в Испанию. Вот так-то!

– Да ты что! Вот это да! – воскликнула пораженная Неля и мягко поинтересовалась: – И как на это отреагировал Сковорцов?

– Ты, Нелька, не поверишь! – уже не на шутку разошлась Оля. – Он все знал заранее и ничего не сказал мне! Мне, своей жене!

– Ничего себе! Вот это номер, – прошептала в трубку Верещагина. – Теперь понятно...

– Что тебе понятно? – злобно прорычала Оля.

– Почему ты торопишься встретиться с этой Настей, – вынужденно пояснила Верещагина. – Ты хочешь подстраховаться. Ведь если Ларочка уедет, он вообще может пуститься в загулы.

– Я хочу не просто перестраховаться, милая! Я хочу убрать эту гадину из своей жизни раз и навсегда! Одна убирается из моей жизни сама, а вторую необходимо подтолкнуть, чтобы больше никто не стоял между Валерой и мной! Я не могу его потерять! Ни за что на свете!

– Да, да, – пробормотала Неля и в ту же секунду посочувствовала бедной студенточке, представив ее счастливое кукольное личико в момент свидания со Скворцовым. И зная свою подругу с детства, Верещагина на сто процентов была уверена в том, что ничего хорошего юную прелестницу в ближайшем будущем не ждет.

10.

Оля выбралась из постели ближе к обеду. Какое-то время она пробыла в спальне, пересматривая свой гардероб, а потом около получаса бесцельно слонялась по дому.

Спустившись в кухню, она застала у плиты повариху Веру Сергеевну, которая возилась с обедом. Пахло вкусно.

– Что у нас на второе? Мясо по-французски?

– Ой, Ольга Николаевна, я не услышала, как вы вошли, – от неожиданности Вера вздрогнула и повернулась к хозяйке. – Доброе утро.

– Скорее день...

– Да, да, Ольга Николаевна, день. И вы точно угадали. Это мясо по-французски, и оно уже почти готово.

– Я обедать сегодня дома не буду, – приняла неожиданное решение Оля. – Ты мне только кофе налей.

– Сейчас, одну минутку, – отозвалась Вера и включила кофемашину.

В ожидании кофе, Оля опустилась на стул и равнодушно спросила:

– А где все?

– Дети с Катей у бассейна. Юрка, водитель ваш, уехал на рынок. Я ему список нужных продуктов дала. А Карпенко возится в гараже. Он еще утром говорил, что хочет проверить тормоза в вашей машине.

– Хорошо. А что поделявает Матвеева?

– Светлана Яковлевна моет полы на веранде, – доложила повариха и подала хозяйке кофе.

– Значит все при делах, – удовлетворенно констатировала Оля и наскоро выпив кофе, вернулась в спальню.

Торопливо приняв душ, Оля удобно устроилась на мягкой банкетке у туалетного столика. Она посмотрела на себя в зеркало и заметила маленькие морщинки в уголках глаз. Это плохо. Очень плохо. Это явный показатель того, что она уже слишком долго пребывает в состоянии стресса, поэтому необходимо как можно быстрее избавиться от главного раздражителя. Не будет этой сучки, не будут и морщины появляться. Как говорится: нет человека – нет и проблемы. Ну, а потом... Потом она займется собой, любимой. Но сейчас самое главное – это, наконец, начать действовать. Хорошо, что голова уже почти не болит и можно спокойно привести себя в порядок.

Скворцова разложила на столике косметику и принялась наносить макияж. Эта работа всегда доставляла ей удовольствие, и она не понимала женщин, которые не красятся и выглядят как серые мыши. Женщина всегда должна быть женщиной – ошеломительно красивой и желанной. Покончив с макияжем, Оля вновь пристально взглянула в зеркало и осталась довольна. Современная косметика творит чудеса: от синяков под глазами не осталось и следа, тоник сде-

лал кожу ровной и гладкой, а длинные ресницы, вытянутые черной тушью, делали глаза глубокими и загадочными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.